

ДРУИДЫ И РИМ В НАЧАЛЕ ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

1. Вопрос о взаимоотношениях друидов и Рима в ходе Галльской войны по сей день остается одним из самых спорных в историографии кельтской Галлии. Его сложность обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сама эта война в военно-тактическом отношении не составляет единого целого и делится на ряд этапов со своими целями у каждого. Если сейчас можно признать, что целью стратегии Цезаря было полное присоединение Галлии к римскому миру, то для современников, в том числе и друидов, в первый период войны это отнюдь не было ясным. Во-вторых, в «Записках» Цезаря нет никаких сведений о роли друидов в этой войне. Важнейшая (по его же словам) социальная группа почему-то исчезает со страниц его труда.

2. Пролить свет на позицию друидов, по крайней мере, в начале Галльской войны, помогает свидетельство Цицерона. По его словам, друид Дивитиак, родом эдуй, был его гостем в Риме. Безупречная аргументация Г. Ферреро, увязывающая данные Цезаря о посольстве Дивитиака в Рим, рассказ Цицерона и декрет сената о дружбе с эдуюми, позволяет идентифицировать Дивитиака, упомянутого Цицероном, с Дивитиаком из «Записок» Цезаря.

3. Итак, Дивитиак, ближайший соратник Цезаря в кельтской среде, фактически его советник, был друидом. По свидетельству того же Цезаря, Дивитиак пользовался влиянием не только среди эдучей, но и во всей Галлии. Это само по себе является косвенным доказательством того, что он друид, так как единственным общегалльским институтом была организация друидов. С учетом ее строгой иерархии и идеологического единства, позиция друида Дивитиака позволяет сделать очень серьезные выводы о роли друидов на начальном этапе Галльской войны.

4. Он принимает активное участие в событиях уже в ходе столкновений с гельветами (*Caes. BG. I*). Его позиция в этот период военных действий не совсем ясна, но антиримской она, безусловно, не является. Как представляется, она определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, война с гельветами воспринималась современниками как следующая в непрерывной череде оборонительных войн. Превентивный военный поход с целью защиты Провинции — так это понималось галлами, которые не могли предвидеть дальнейших событий. Во-вторых, политическая ситуация накануне войны с гельветами могла внушать друидической организации серьезные опасения. Планы Оргеторикса, стремившегося, по мнению Цезаря (*BG. I.2*), овладеть верховной властью над всей Галлией, явно шли вразрез с интересами друидов, для которых сохранение децентрализованной, многополюсной Галлии означало сохранение уже имевшейся политической власти. В-третьих, война с гельветами предшествовала другому, еще более крупному столкновению — войне Цезаря с германцем Ариовистом.

5. Здесь планы друидов наиболее ясны и подтверждены документально. Ведь еще в 62 или 61 гг. до н. э. посольство Дивитиака в Рим преследовало именно цель убедить римлян в необходимости военной помощи галлам пред лицом германской опасности (*Caes. BG. I.31; VI.12*). Для друидов германское вторжение могло обернуться куда большими бедами, чем амбиции Оргеторикса. Здесь дело касалось уже

не только политической власти, но и власти религиозной, которую германцы, отвергавшие друидический культ (*Caes. BG. VI.21*), явно свели бы к минимуму. По сути, для друидов речь шла о выживании организации как таковой, и ставка на Рим, сделанная ими, не только объяснима, но и безальтернативна.

6. Вероятно, друиды понимали и опасность такой комбинации, но германская опасность казалась им намного страшнее, ведь Ариовист уже захватил часть Галлии, а римляне, разгромив врага, могли и не предпринимать дальнейших шагов, как это, собственно, уже было при отражении кимвров и тевтонов. Возможно, друиды самоуверенно переоценили свои силы и степень влияния Дивитиака на Цезаря, когда принимали это важнейшее политическое решение.

7. То, что это решение принималось всей друидической организацией или, по меньшей мере, господствующей ее частью, подтверждается и рассказом Цезаря о состоявшемся в его ставке собрании лидеров галльских общин. Ряд обстоятельств позволяет предположить, что многие из этих «князей» были друидами. В пользу этого говорит невероятная оперативность этого собрания «представителей почти всей Галлии». Подобную оперативность могла обеспечить только друидическая организация — единственный институт, решения которого распространялись на всю Галлию. А в условиях жесткой иерархичности друидических структур простейшим способом быстро собрать подобный синклит была отдача распоряжения, обязательного для выполнения всеми членами организации.

8. Утверждение Цезаря, что все присутствующие были «князьями», отнюдь не противоречит друидическому характеру собрания. Во-первых, все друиды являлись представителями знатных родов, так как орден пополнялся только из среды знати (*Mela. III.2*). Во-вторых, максимальное повышение статуса данного форума весьма отвечало интересам Цезаря. Немаловажен и тот факт, что от лица собравшихся постоянно берет слово друид Дивитиак. Исходя из всего этого, резонно предположить, что, по крайней мере, часть собравшихся принадлежала к друидам и выражала мнение друидической организации или ее господствующего крыла.

9. Таким образом, в первый период Галльской войны организация друидов, очевидно, заняла проримскую позицию, отвечавшую на тот момент ее корпоративным интересам. Фактически эта позиция была предательской по отношению к галльскому народу и во многом способствовала укреплению позиций Цезаря в Галлии, а в конечном счете — и ее полному завоеванию Римом.